

Стратегическое планирование по-российски: торжество централизованного бюрократического выбора

А.Н. ШВЕЦОВ, доктор экономических наук, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, Москва.
E-mail: san@isa.ru

Анализируются предпосылки, смысл и последствия возобновления практического и научного интереса к стратегическому планированию. По мнению автора, в России этот процесс после кратковременного периода инициативного и творческого развития в итоге приобрел характер бюрократической кампании. Сформированное из советских и «западных» стереотипов гибридное нововведение противоречиво сочетает в себе черты обоих подходов, что лишает этот инструмент конструктивного начала, не дает возможности использовать его потенциал и чреват проблемами. Для того чтобы преодолеть эти недостатки, автор раскрывает принципиальные отличия российской модели стратегического планирования от «западной».

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегическое управление, антикризисное управление, региональное и муниципальное развитие, зарубежная практика

Преобразование российской действительности проходит *противоречиво*. Наряду с полезными новшествами, мы нередко являемся свидетелями вредных *кампанейских* реформ. И оценивая очередное нововведение, бывает непросто распознать, с чем на этот раз мы имеем дело и как следует поступать: то ли поддерживать и осваивать востребованную жизнью инновацию или же, напротив, – не поддаваться губительному увлечению очередной *новомодной «панацеей»*.

Рассмотрим такой инструмент, как *стратегическое планирование*, настойчиво продвигаемое в практику управления государством, отраслями и регионами, городами и поселениями. Свидетельства энтузиазма сторонников этого нововведения многочисленны и разнообразны – от нарастающего вала публикаций и нескончаемых форумов до создания развернутой специальной правовой базы и проектов госструктур. Однако суровая действительность мешает сблизиться *завышенным ожиданиям* таких энтузиастов.

Затянувшийся многолетний экономический кризис, депрессивное состояние реального сектора и территорий, геополитические провалы и международные санкции сотрясают страну вопреки всем оптимистичным прогнозам и многообещающим стратегиям, во множестве принятым в 2000-е годы. *Нестабильность и неопределенность, сложность и неоднозначность* современной жизни, похоже, уничтожают «на корню» саму *потребность* в стратегическом планировании. Во всяком случае, в том виде как этот инструмент *понимается и культивируется* у нас.

Возрождение стратегического планирования по-российски: скрещивание доморощенного и заимствованного подходов

Для понимания сути и особенностей стратегического планирования *по-российски* стоит вспомнить, чем обусловлен новый выход этого инструмента на авансцену государственного управления. Все началось в «тучный» период начала 2000-х годов, когда на фоне наблюдавшейся общей стабилизации социально-экономической ситуации и начавшегося экономического роста произошло снижение актуальности проблем *выживания* и возрождение интереса к вопросам *развития*. Изменившиеся обстоятельства с неизбежностью вызвали качественный сдвиг в приоритетах властей – доминировавшие на протяжении 1990-х годов задачи *антикризисного управления*, заключавшегося в обеспечении текущей жизнедеятельности в крайне неблагоприятных (нередко катастрофичных) условиях, в первое десятилетие XXI в. стали вытесняться задачами *стратегического управления*, с характерной для него ориентацией на *выбор перспективных целей и проектирование траекторий* движения к ним.

Мы стали свидетелями *повального увлечения* идеями перспективного планирования, своего рода *поветрия*, небывало быстро охватившего власти, которые в 1990-х гг. с легкостью отказались от этого «пережитка советского прошлого». В такой метаморфозе, видимо, сказалась накопленная огромная *психологическая усталость* от затянувшегося периода крайней нестабильности и непредсказуемости социально-экономической ситуации, а также *разочарованность* от несбывшихся надежд

на скорую позитивную динамику освобожденного от «плановых оков» рыночного саморазвития.

Но в изменившихся обстоятельствах дело не могло ограничиться *клонированием* прежних отечественных достижений. Нынешнее увлечение «плановым подходом» пошло по пути «скрещивания» доморощенного, *советского* в своей генетической основе планового мышления нынешних руководителей, с *заимствованными «западными»* образцами стратегического планирования, адаптированного к условиям рыночной экономики, политической демократии и децентрализованного управления. Исполдволь стало формироваться некое *гибридное* направление, причудливо сочетающее в себе черты обоих подходов. Однако непонимание нынешним поколением реформаторов ни специфики отечественного опыта, ни сути зарубежной практики обернулось фатальным исходом. Сотканный из *стереотипных представлений* о советском наследии и «западном» опыте *подход-мутант* был *внутренне противоречив* и *лишен конструктивного начала*.

Уязвимость нового подхода проявилась очень скоро и убедительно. Разразившийся в конце 2008 г. финансово-экономический кризис отчетливо высветил самые уязвимые места бесчисленных перспективных планов-прогнозов, в которых даже намек не содержалось на возможное наступление неприятностей (тем более крупных) в развитии страны, ее регионов и городов¹. Это фиаско – повод разобраться, что же представляет собой стратегическое планирование по-русски и как оно соотносится со своим зарубежным аналогом.

¹ Многочисленные и громкие прогнозно-стратегические промахи воскрешают в памяти неслетные оценки прогнозирования как такового. Так, признанный мировой экономический авторитет Дж. Гэлбрейт квалифицировал прогнозирование как изощренный способ обмана, строящийся на игнорировании очевидной невозможности получения твердого знания как о будущем экономики в целом, так и любой ее отрасли и компании. По его мнению, «Любой прогноз с момента своего появления вступает в единоборство с различными комбинациями, складывающимися из диктуемых ситуацией действий государства, из неизвестной корпоративной и частной деятельности и в глобальном смысле – из ситуации мира или войны. Сюда же можно добавить непредсказуемые технологические и прочие инновации, реакцию потребителей и инвесторов, различные воздействия экспорта, импорта, движения капиталов и реакции на эти процессы со стороны корпораций, общества и государства. Словом, известную величину невозможно получить из суммы неизвестных величин». И тем не менее, едко замечает ученый мэтр, «... в экономическом и особенно в финансовом мире предсказание неизвестного и непостижимого есть нежно любимое – и хорошо оплачиваемое – занятие» [1. С. 57–58].

Суть российского подхода: стратегическое планирование как особая ветвь «вертикали власти»

Российская модель *привычно* реализует *государственно-бюрократический* подход, который ориентирует на построение *под эгидой государства* и в соответствии с *субординационной логикой* отношений в рамках «вертикали власти» *ее особой ветви* – системы стратегического планирования. В основе этой системы лежат следующие *принципы*:

- *юридическая обязательность* перехода к стратегическому планированию (его использование предписывается положениями специального федерального закона и производных от него подзаконных актов и правовых актов регионального уровня);
- *субъектно-объектная всеобщность* этого процесса (он охватывает все уровни власти (субъекты) и все сферы деятельности (объекты) – отрасли, регионы, муниципальные образования);
- *структурная иерархичность* состава документов планирования (законодательно определены поуровневые исчерпывающие перечни, предназначение и соотношение документов);
- *информационно-методическая универсальность* подготовки документов (требуется использовать единые для всей страны методические положения и унифицированную информацию);
- *процедурная жесткость* процесса (регламентируются этапы, сроки, участники и их взаимодействия);
- *статусная официальность* документов (требуется их утверждение решениями соответствующих органов власти);
- *государственная контролируемость* процесса (создана специальная федеральная информационная система автоматизированного мониторинга хода и итогов реализации документов, а также оценки взаимодействий участников).

Такой подход, в котором традиционно для нашей страны *государство* выступает *главным агентом* развития [2], *стереотипно воспроизводит* (с некоторыми современными нюансами) советский подход. Но такой выбор *в новых обстоятельствах* является контрпродуктивным и бесперспективным. И основным «слабым звеном» такого подхода, как это ни парадоксально, выступает само государство, которое не только не способно эффективно стратегически управлять современной экономикой, но более того, – само деградируя, де-факто задает экономике

вектор *неразвития* [3], перейдя в своей политике от «управления ростом» к «управлению спадом» [4].

Российский подход во главу угла поставил *бюрократическое стремление к строгой регламентации и юридическому закреплению исчерпывающе полного комплекса вопросов*, определяющих смысл, предпосылки, процедуры, сроки и документы стратегического планирования. Заветной мечтой апологетов такого подхода стал *отдельный федеральный закон*², который обрел *самодостаточную ценность*, стал *олицетворением* и *воплощением* смысла и содержания стратегического планирования. Отныне все проблемное поле в этой сфере стало рассматриваться исключительно сквозь призму нормативно-правового регулирования. Анализ и комментирование этого документа, обсуждение предложений по его корректировке по сути дела подменили существенное рассмотрение проблем и путей их решения. При этом сам закон оказался максимально *рамочным* и потому на редкость *беспомощным*, так как не имеет действительного (а не надуманного) *предмета правового регулирования*. Даже вполне лояльно настроенные эксперты полагают, что архитектура описанной в законе системы выглядит необоснованной, обилие документов с неясным соподчинением создает впечатление избыточности, единая методология составления стратегий и прогнозов отсутствует [5. С. 240]. Принятие этого долгожданного акта ничего не изменило по сути дела, но в результате была запущена охватившая все уровни власти *бюрократическая кампания* по формальному выполнению требований закона – в сжатые сроки *повсеместно* и *единообразно* разработать *иерархию* стратегий и сопутствующих документов развития страны, регионов и муниципалитетов³.

И закипела дружная работа. В 2015–2016 гг. Минэкономразвития России подготовило и издало 15 нормативно-правовых актов (НПА), регламентирующих порядки разработки, корректировки, мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования на федеральном уровне. В соответствии с планом

подготовки НПА во исполнение ФЗ-172 предусмотрено принятие еще 11 НПА, которые должны окончательно оформить систему этих документов. На региональном уровне к концу 2016 г. законы о стратегическом планировании приняты в 72 субъектах Российской Федерации, в 72 утверждены планы подготовки НПА стратегического планирования, в 83 субъектах утвержден порядок разработки и корректировки прогноза на долгосрочный период, 82 субъекта Российской Федерации имеют утвержденный порядок разработки и корректировки бюджетного прогноза на долгосрочный период, еще 71 субъект Российской Федерации принял порядок разработки и корректировки осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития.

Местный уровень тоже старается не отстать⁴. По данным государственной автоматизированной информационной системы «Управление», в реестр документов стратегического планирования включено 14 775 документов, разработанных в муниципальных районах, 5 505 – в городских округах, 108 – в городских с внутригородским делением, 1 471 – в городских поселениях, 7 215 – в сельских, 22 – во внутригородских районах.

Формирующийся огромный массив разноуровневых стратегических документов, призванных в соответствии с общим замыслом образовать *единую целостную систему*, порождает сложнейшую организационную задачу обеспечения их *согласованности* (предметно-содержательной, временной, методологической, функциональной и т.д.), решение которой требует систематической многоплановой и итеративной *координации* действий многочисленных участников многогранного процесса разработки и реализации стратегических планов.

Заметим, что вовсе не всех экспертов настораживает этот вал стратегического планирования. Так, Г.Б. Клейнер именно в таком многоуровневом полномасштабном процессе видит путь к сбалансированной экономике. В.М. Полтерович ставит еще более сложную задачу: «России предстоит завершить формирование

² Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

³ Разумеется, на деле даже «стахановскими темпами» оказалось не под силу выполнить эту задачу, и принято решение перенести намеченные сроки разработки документов стратегического планирования на 1 января 2019 г.

⁴ И это несмотря на то, что вопрос о том, вправе ли местные власти заниматься стратегическим планированием и тратить на это бюджетные средства, остается открытым, поскольку цели и задачи реально разрабатываемых стратегий выходят далеко за пределы собственно «вопросов местного значения», установленных ФЗ «О местном самоуправлении» [6. С. 35].

смешанной системы, интегрирующей планирование, бюджетирование и НИС. Только тогда станет возможным запустить многоуровневый итеративный процесс инициации и разработки проектов, их согласования с бюджетом». И для воплощения этого замысла, по его мнению, необходима «...сложная иерархически организованная система институтов, которую должно возглавлять специальное агентство, подчиненное непосредственно Председателю Правительства. Назовем его Федеральным агентством развития (ФАР)» [5. С. 240]⁵. А. Бузгалин и А. Колганов ратуют за создание механизмов планирования, интегрирующих прогнозирование, форсайты, прямое и косвенное селективное регулирование в целостные программы экономического развития [7].

В стратегиях как таковых усматривается *ключевое условие* успешности социально-экономического развития на всех уровнях. В общественное сознание упорно внедряется мысль о том, что все, кто осуществляет стратегическое планирование, якобы получают весомые преимущества – преуспевают в социально-экономическом развитии, в привлечении инвестиций. Но переходит ли растущее количество стратегий в повышение качества жизни? Это далеко не так. И видеть уже в самом наличии стратегии решающий фактор будущих достижений пока нет достаточных оснований, иначе, судя по степени охвата российского пространства новым подходом, мы должны были бы наблюдать повсеместное процветание «городов и весей». Но дело ограничивается всего лишь растущей горой «бумажных стратегий», являющихся сводом благих намерений властей по улучшению всего на свете, что делает их принципиально *нереализуемыми*.

К тому же наличие соответствующих документов – это лишь *начало*. Далее с неумолимостью наступает этап *выполнения* намеченных планов, и критичным неизбежно становится *способность*

их реализовать. То, что именно это умение намного важнее качества документа, подтверждают результаты соответствующих исследований, проводившихся *в бизнесе*. Практика показывает, что успешно осуществляется только каждая десятая из вполне добротных бизнес-стратегий. Поэтому к претворению стратегии в жизнь следует относиться как к *наиболее важному этапу*, определяющему конечные оценки эффективности стратегического управления развитием⁶.

Отметим, что стратегические планы – это не универсальный продукт массового спроса. Не каждому субъекту планирования они по плечу. Вот почему предсказуемым результатом развернутой бюрократической кампании выступает расцвет *формализма* (лишь бы выполнить предписания сверху) и заведомая *неэффективность* стратегического планирования как *инструмента развития*.

Следует обратить внимание еще и на проблему *политической преемственности* стратегических планов, обусловленную *несовпадением горизонта стратегического планирования и длительности избирательных циклов*. Для «западных» демократий само собой разумеется, что политики одного избирательного цикла не вправе обременять своими решениями политиков, приходящих им на смену. Поэтому они принимают стратегические планы, как правило, не выходящие за пределы сроков своих полномочий. В условиях же российской политической модели, для которой характерно гарантированное доминирование одной «партии», эта проблема пока не актуальна, и наши власти с легкостью принимают стратегии, рассчитанные на десятилетия, не очень заботясь при этом о разрывах между декларируемыми намерениями и реальными результатами в развитии страны, регионов и городов. Но не исключено и вполне допустимо, что с развитием демократии и возникновением нормальной политической конкуренции в российской политической системе также возобладает принцип периодической сменяемости власти, и указанная коллизия с неизбежностью встанет во весь рост.

⁵ Идея создания специального высокостатусного ведомства в духе легендарного советского Госплана (но на новый лад, разумеется) все шире охватывает умы экспертного сообщества. Так, на прошедшем в апреле 2017 г. в Государственной думе «круглом столе» на тему «Развитие системы стратегического планирования в Российской Федерации» основной доклад так и назывался «От Госплана СССР к проекту создания Государственного комитета по стратегическому планированию РФ». На «круглом столе, проведенном в марте 2017 г. общероссийской общественной организацией «Деловая Россия», также обстоятельно обсуждались вопросы необходимости создания Государственного комитета Российской Федерации по стратегическому планированию.

⁶ Впрочем, для ухода от ответственности за выполнение своих обещаний российская бюрократия использует простой, но не дающий сбоев прием – «скользящее планирование». Суть его в том, чтобы, не дожидаясь наступления сроков окончания программ и стратегий, начинать подготовку их новых версий на более отдаленный период.

«Западная» модель стратегического планирования в сравнении с российским подходом

Как и во многих других областях знания о рыночной экономике, в этом вопросе в России сложилась довольно запутанная картина, сотканная из множества *псевдопредставлений* и *квазипонятий*. Поэтому так непросто выудить из множества малоквалифицированных публикаций на эту тему точную и исчерпывающую характеристику «западного» подхода к стратегическому планированию. В центре внимания, как правило, оказывается практика *индикативного планирования* Франции и Японии *пятидесятилетней давности*, которое на деле (несмотря на использование термина планирование) с самого начала являлось (и остается таковым) механизмом селективного государственного *регулирования* и представляло *альтернативу* советскому централизованному директивному *планированию*.

Например, использовавшиеся во Франции в 1950–1970-е годы так называемые пятилетние планы, хотя и имели силу государственного закона, не содержали директив предприятиям (в советском понимании). Государство применяло для достижения намеченных целей инструменты мягкого воздействия на рыночную среду и поведение ее субъектов (институты селективного регулирования). Это комплекс экономических стимулов, создававших особые «правила игры»: предоставление специальных премий, кредитов и гарантий при размещении займов, снижение ставки процента по кредитам частным производителям, деятельность которых укладывалась в рамки плановых рекомендаций и условий, налоговые привилегии и др. [8. С. 11]. Как видим, все эти инструменты входят в арсенал и современных систем государственного регулирования, хотя сами эти системы в большинстве своем перестали именоваться плановыми. Отказ от термина «планирование» не означает фактического отказа от селективных мер государственного регулирования, хотя, разумеется, нельзя не видеть известных изменений в составе и содержании таких мер. В России же смысловая нагрузка этого термина совершенно иная, что является причиной многих стереотипных заблуждений.

Современный смысл «западной» модели обусловлен *переходом от иерархического к сетевому типу организации производства и общества* [9]. Эта смена парадигмы сопровождается значительными правовыми и политическими трансформациями: «от регламентации к регулированию» и «от субординации к взаимодействию». *Сетевая структура, регулирование и взаимодействие образуют новую парадигму*, идущую на смену классической триаде: иерархическая структура, регламентация, субординация.

При таком подходе в современном планировании [7] будущие ориентиры определяются *не единоличным решением планирующего субъекта* (органа власти), обладающего *монопольным правом* на такие решения, находящегося как бы вне планируемой реальности (планирование действий других⁷), но при этом *полностью контролирующего* ее, а представляют собой *результат взаимодействия многих действующих субъектов*, движимых их собственными *интересами*, непосредственно участвующими в планировании и имеющими возможность *частично контролировать* (в пределах своей доли участия) планируемую реальность⁸.

Для «директивного» планирования преимущественное значение имеет *техническая сторона* процесса (односторонние технократические действия планирующего) и логика *формулирования* планов (программ, проектов), которые выражают «*желаемое*» состояние объекта (нормативная модель будущего). В коллективном же планировании упор делается на *отношениях* (партнерских *взаимодействиях* действующих субъектов развития) и логике *реализации* планов (программ, проектов), которые выражают «*возможное*» состояние объекта (совокупность задач, определенных на основе консенсуса действующих субъектов).

В директивном планировании не уделяется должного внимания *сопротивлению, препятствиям и трудностям*, которые могут отразиться на реализуемости планов, в то время как мето-

⁷ Такой вид планирования считается директивным. Оно осуществляется согласно действующим правилам (законом), позволяющим планирующему субъекту ставить цели для той или иной социально-экономической системы и определять средства их достижения [10. С. 32].

⁸ Такой процесс, в рамках которого его участники сообща, формируя в ходе обсуждения консенсус, определяют свои будущие действия и планируют использование своих ресурсов, является коллективным планированием [10. С. 29–30].

дика коллективного планирования рассматривает *конфликтные* и *консенсусные* ситуации как главные факторы социальных ре-алий, обуславливающих реализацию планов. Исходным шагом в «обычном» планировании служит *построение аналитической модели* (описания) *реального положения*. В современном планировании все начинается с *ситуационного диагноза интересов, состояния и тенденций поведения субъектов* развития. И, наконец, в отличие от традиционного планирования, в котором применяется *экзогенная* (внешняя) *экспертиза* результативности, в его современном варианте применяется *эндогенная оценка*, т. е. выполняемая самими участниками процесса разработки и реализации стратегии [11].

Современное стратегическое планирование плохо поддается упорядочению в формате *строгих единообразных методических процедур*. Здесь важнее *неформализуемые* факторы – квалификация, опыт, интуиция, кругозор, творческая смелость и т. п. качества ключевых участников процесса планирования. Это больше *искусство*, нежели рутинный процесс, *«штучная»* работа, выполняемая там и тогда, где и когда для этого созрели условия, а не повсеместно организованное сверху массовое производство типовых материалов в жестко установленные сроки вне зависимости от предпосылок.

Архиважно, что упор в стратегическом планировании делается не на инструментальные тонкости, а на *организацию свободного обмена и согласования мнений* в ходе принятия решений⁹. При этом проявления инициативности и самостоятельности участников этого процесса зиждутся вовсе не на нормативно-правовых и организационных установлениях и предписаниях, а в первую очередь *на культурных традициях и образе мышления* (и власти, и населения). Непонимание этого критически сказывается на приживаемости всех этих заимствований на нашей почве.

Показательно, что, говоря о своих трудностях в освоении стратегического планирования, российские *территории* указывают на проблемы совсем другого рода – на неполноту нормативно-правовой базы, недостаточную регламентацию полно-

мочий, нехватку квалифицированных специалистов, отсутствие методических указаний, недостаток информации и средств для разработки. И решения предлагаются под стать *архаичному* пониманию планирования – сделать процесс *тотально обязательным* для всех (вплоть до сельских поселений), законодательно ввести единые методические требования и рекомендации к разработке стратегических документов, определить органы власти, в исключительной компетенции которых должно находиться их утверждение, обеспечить взаимоувязку документов всех уровней и видов и др.

Вся история становления стратегического планирования в российских регионах прошла под знаком усиления федеральной регламентации [12]. Начало этого процесса совпало по времени с воссозданием в 2004 г. Минерегонразвития России, которое повело бурное наступление на «региональную вольницу». Для этого министерство получило «правительственную привилегию» на тотальную инвентаризацию стратегических планов регионов, которые подлежали обязательному рассмотрению на заседаниях начавшей работать в 2005 г. при министерстве специальной межведомственной комиссии. Другим направлением регламентационной деятельности министерства стал выпуск методических НПА, призванных упорядочить стратегическое планирование на региональном уровне. Всем регионам было рекомендовано руководствоваться утвержденными методическими положениями при разработке своих перспективных планов, себе же министерство вменило в обязанность организацию учета региональных стратегий и координацию деятельности разрабатывающих их региональных органов исполнительной власти.

В чем же состояли главные требования, которые министерство предъявляло к региональным стратегиям? Прежде всего, оно потребовало понимать под стратегией «систему мер, государственного управления, опирающихся на долгосрочные приоритеты, цели и задачи политики органов государственной власти». Тем самым стратегия ограничивалась пониманием ее как инструмента сугубо *государственного управления* – и это естественно для министерства, но в корне отличало данную трактовку от понимания стратегии как инструмента *самостоятельного определения местным сообществом* целей и направ-

⁹ В. М. Полтерович приводит мнение П. Массе, создавшего во Франции исторически первую систему индикативного планирования: ее основным достоинством он считал формирование обстановки доверия и сотрудничества между государством, представителями бизнеса, профсоюзами [11. С. 18].

лений своего развития; от того понимания, которое изначально сложилось в практике стратегического планирования западных городов и регионов и которое именно в этом качестве стало осваиваться в России в 1990-е годы [13. С. 10]. Единственное, что связывало министерский документ с указанным первоначальным смыслом стратегического подхода – это невятное положение, согласно которому к разработке стратегии *могли* привлекаться «представители коммерческих и некоммерческих организаций, в том числе общественных, а также независимые эксперты».

Если в классическом «западном» варианте стратегический план выступает в качестве своего рода *общественного договора* всех действующих на территории акторов по поводу видения будущего территории и путей продвижения к нему, то стратегия по-министерски понималась как *юридический документ*, по сути дела региональный закон, выражающий позицию региональных органов исполнительной власти и утвержденный региональным законодательным органом, да к тому же согласованный с федеральными органами.

Таким образом, изначально всецело инициативную и самостоятельно осуществляемую деятельность регионов и муниципалитетов по стратегическому планированию их саморазвития федеральная власть поставила под свой контроль и придала ей статус инструмента государственного управления, закрепив такое положение дел в федеральном законе 2014 г.

* * *

Итак, при кажущейся *общности* российской и «западной» моделей стратегического планирования речь тем не менее идет о двух *принципиально различных* в идеологическом, методологическом и методическом смыслах подходах. Стратегическое планирование *по-русски* – это пока *не современный*, на уровне мировых образцов, инструмент управления экономическим развитием, а лишь *промежуточный вариант* соответствующего механизма, отражающий *переходный характер* российского общества, государства и экономики. Процесс полноценного становления этого инструмента займет еще много времени при условии преодоления *деструктивных стереотипов* в по-

нимании смысла, предпосылок и содержания стратегического планирования.

Литература

1. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономика невинного обмана: правда нашего времени. – М.: Изд-во «Европа», 2009. – 88 с.
2. *Швецов А. Н.* Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 1. – С. 38–61.
3. *Иноземцев В.* Остановка на полпути: что отличает российскую экономику от советской. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/08/02/2016/56b85adc9a7947758a17af4e?from=typeindex%2Fopinion>
4. *Иноземцев В.* Российская экономика: управление спадом. URL: <http://intersectionproject.eu/ru/article/economy/rossiyskaya-ekonomika-upravlenie-spadom>
5. *Полтерович В. М.* О формировании системы национального планирования в России // Журнал НЭА. – 2015. – № 2 (26). – С. 237–242.
6. *Одинцова А. В.* Стратегическое планирование на уровне муниципальных образований // От рецессии к стабилизации и экономическому росту: материалы VIII Межд. науч.-практ. конф. 19–20 февраля 2016 г. – М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. – С. 25–39.
7. *Бузгалин А., Колганов А.* Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // *Вопросы экономики*. – 2016. – № 1. – С. 63–80.
8. *Бузгалин А., Колганов А.* Возрождение планирования: уроки истории (политико-экономический дискурс) // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – № 1. – С. 8–21.
9. *Бландиньер Ж.-П.* Изменение основополагающих производственных и общественных парадигм. Трансформация общественного сектора в Европе (опыт стран ЕС) // Доклады Российско-Европейского Центра экономической политики (РЕЦЭП). № 1. – М., 2004. – 32 с.
10. *Тамбовцев В.* Планирование и оппортунизм // *Вопросы экономики*. – 2017. – № 1. С. 22–39.
11. *Полтерович В.* Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // *Вопросы экономики*. – 2016. – № 11. – С. 5–23.
12. *Швецов А. Н.* Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения // *Российский экономический журнал*. – 2009. – № 1–2. – С. 49–60.
13. *Территориальное стратегическое планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России*. – СПб: ГП МЦСЭИ «Лентьевский центр», 2003. – 384 с.